

Следование правилу и скептический парадокс
(критические замечания о теории языкового значения
Витгенштейна-Крипке)¹

В.А. Ладов, В.А. Суровцев
ТОМСК

Содержание данной статьи следует расценивать в русле общего подхода к проблеме языкового значения в контексте толкований, которые этот подход получил в рамках современной аналитической философии, особенно тех её разделов, которые относятся к так называемому традиционному образу овладения языком. Предлагается одна из возможных интерпретаций, которая, с одной стороны, связана с тем местом, которое проблема следования правилу в освоении значения языковых выражений в современной аналитической философии. С другой стороны, здесь рассматриваются некоторые наиболее значимые к этой проблеме подходы и оцениваются их перспективы. Эти перспективы отталкиваются от теории значения языковых выражений, как она задана Л. Витгенштейном, наиболее авторитетным лингвистическим философом современности.

В 1 параграфе *Философских исследований* цитатой из Августина Витгенштейном представлен традиционный образ овладения языком: «Наблюдая, как взрослые, называя какой-нибудь предмет, поворачивались в его сторону, я постигал, что предмет обозначается произносимыми ими звуками, поскольку они указывали *на него*. А вывод этот я делал из их жестов, этого естественного языка всех народов, языка, который мимикой, движением глаз, членов тела, звучанием голоса выражает состояние души – когда чего-то просят, получают, отвергают, чуждаются. Так постепенно я стал понимать, какие вещи обозначаются теми словами, которые я слышал вновь и вновь произносимыми в определённых местах различных предложений. И когда мои уста привыкли к этим знакам, я научился выражать ими свои желания» (*Исповедь*, 1/8)². К этой

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 07-06-00185-а

² *Витгенштейн Л.* Философские работы, Ч. I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 80.

точке зрения можно отнести по-разному. Отношение к ней самого Витгенштейна весьма критично, и именно эта критика во многом составляет суть его поздней философии.

Традиционный образ овладения языком в общем сводится к трём пунктам: 1) значения выражений первоначально усваиваются остенсивно; 2) они закрепляются индуктивно; 3) правильное закрепление подтверждается внешним (или, если угодно, публичным критерием). Этот гипотетический образ очевидно подвержен критике. В целом большинство критических замечаний как Витгенштейна, так и других философов-аналитиков ориентируется именно на него. Можно критиковать любой из пунктов, хотя в целом они тесно связаны.

Критическое отношение Витгенштейна к этому образу развивается в рамках аналитической философии в нескольких направлениях. Для иллюстрации и в качестве введения в проблему следования правилу приведём несколько достаточно известных примеров. Относительно первоначально остенсивного усвоения значения терминов хороший критический аргумент доставляет Куайн в рамках своей концепции радикального перевода¹. Он предложил рассмотреть следующую гипотетическую ситуацию. Представим практикующего лингвиста, в задачу которого входит формирование словаря языка некоторого племени туземцев, отличающихся как от языка лингвиста, так и от его культурных стереотипов столь радикально, что он не может воспользоваться какими-то дополнительными средствами, скажем, уже известным, выполняющим роль посредника языком, в качестве облегчающих его работу. Словарь должен представлять собой синонимичные ряды, соотносящие значения слов языка туземцев со значениями слов того языка, на котором говорит лингвист.

Каким образом лингвист мог бы начать осуществление своего предприятия? Только посредством остенсивных определений, ведь никаких зацепок соотносящих языки ещё нет, поэтому, для установления корреляций необходимо обратиться к самому предметному миру. Однако использование остенсивных определений весьма проблематично. Вопросы возникают с так называемой ‘точкой остенсии’, т.е. местом предполагаемого указания, определяемого прямой, проведённой от жеста к предмету на плоскости. Сама по себе остенсия ещё не гарантирует четко фиксированного значения. Напротив, она допускает множественность интерпретаций.

Представим себе, что лингвист оказывается вместе с носителем незнакомого ему языка в лесу и замечает промелькнувшее между деревьев животное. Туземец показывает на это животное пальцем и произносит “Гавагай”. При этом лингвист отмечает, что по виду это животное ничем не отличается от того, которое в его языке именуется словом “кролик”. Спрашивается, может ли исследователь языка на основании данного остенсивного определения записать в свой словарь “*гавагай* = *кролик*”? Куайн утверждает, что нет. Точка остенсии не определяет, что имел в виду туземец – вот этого кролика, кролика вообще, правый бок кролика, цвет кролика и т.д. Его указание вообще могло

¹ См.: Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С.46-101; Куайн У.В.О. О причинах неопределённости перевода // Логика, онтология, язык. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2006.

не подразумевать какой-то стационарный предмет. Возможно, “Тавагай” для него означает ситуацию, в которой пушистое, ушастое животное мелькает среди деревьев и в этом отношении противопоставлено ситуации, в которой оно замирает в неподвижности. В последнем случае туземец будет использовать другой термин и, значит, не будет рассматривать этот предмет как один и тот же в различных ситуациях.

В качестве возможного, но не окончательного решения проблемы радикального перевода Куайн рассматривает стимульное значение. Точка остенсии может быть скорректирована с помощью вопросов, заданных в ситуациях с соответствующими стимуляциями, например, зрительными: «Теперь предположим, что лингвист установил, что считать знаками согласия и несогласия аборигенов. В таком случае он оказывается в состоянии собрать индуктивные данные для перевода предложения “Тавагай” предложением “Кролик”. Общий закон, для которого он собирает отдельные случаи, заключается в следующем предположении: аборигены будут всякий раз соглашаться с “Тавагай?” при тех же стимуляциях, при которых они дали бы утвердительный ответ на вопрос “Кролик?”; то же самое имеет силу и в отношении несогласия»¹.

Однако, очевидно, что строй туземного языка может оказаться столь несхожим со строением языка лингвиста, что никакие стимуляции не помогут. Любое стимульное значение основано на значительном количестве неявной информации, включающей представление о синонимии, классификацию языковых единиц, понимание логической структуры языка и даже культурные предпочтения, обычаи и верования как туземца, так и лингвиста. Всё это требует уточнений стимульных значений с помощью так называемых аналитических гипотез, позволяющих учесть или уточнить такую информацию. Следует заметить, что такие аналитические гипотезы не столько выявляют истинный строй языка туземца, сколько позволяют соотнести его со строением языка лингвиста. Более того, поскольку аналитические гипотезы могут быть различными у разных лингвистов, возможен разный перевод одного и того же туземного словаря на язык лингвиста, при условии, конечно, что эти переводы внутренне непротиворечивы. Критерий правильности здесь исключительно бихевиористский. Если реакция туземца, ожидаемая лингвистом на предложенную им стимуляцию, будет более или менее совпадать с предполагаемой, то и лингвист будет считать свой перевод более или менее правильным. Возможность предсказания будущей реакции является здесь определяющим критерием.

Поскольку стимульные значения уточняются с помощью аналитических гипотез, наличие разных аналитических гипотез, приводящих к различному переводу, свидетельствуют, с точки зрения Куайна, о радикальной неопределённости перевода. Однако, представляется, что наибольшее сомнение вызывают как раз не аналитические гипотезы, а индуктивная процедура, основанная на общем законе, с позиции которого собираются отдельные случаи. Действительно ли значение можно вообще уточнить и закрепить, пусть и приблизительно, с помощью подобной индуктивной процедуры?

Для иллюстрации отрицательного ответа воспользуемся широко извест-

¹ Куайн У.В.О. Слово и объект, С.47.

ным примером Н. Гудмена¹, несколько модифицируя его с точки зрения рассматриваемой ситуации. Допустим, что все изумруды, которые мы видели до момента времени t , являются зелёными. Каждый рассмотренный нами до времени t изумруд индуктивно подтверждает общую гипотезу “Все изумруды зелёные”. Теперь возьмём такой несколько необычный предикат как ‘зелубый’, который до момента времени t приложим к зелёным вещам, а после момента времени t – к голубым. В этом случае те же самые примеры подтверждают общую гипотезу “Все изумруды зелубые”. И если на основании индуктивной процедуры, основанной на подтверждающих примерах, мы принимаем эту общую гипотезу, после момента времени t все изумруды окажутся голубыми. Пример с очевидностью показывает, что индуктивные процедуры неэффективны для закрепления значения, поскольку до момента времени t ни одна такая процедура не позволит отличить ‘зелёное’ от ‘зелубое’. Момент времени t может быть достаточно отдалён, чтобы мы могли решить, какой именно предикат в конечном счёте получит подтверждение. Если мы осваиваем значение слова в реальной практике его употребления, то, теоретически, каждый новый шаг не будет с необходимостью следовать из предыдущих, ибо при таком способе действий мы только нарабатываем в себе индуктивную привычку поступать так, а не иначе, которая ни в коем случае не может претендовать на абсолютистский характер – ряд будущих конкретных употреблений не дан, он уходит в бесконечность.

Пример Гудмена легко распространить на ситуацию с туземцем. Предположим, что туземный язык содержит именно предикат ‘зелубое’. Лингвист, много раз демонстрируя туземцу изумруд, получает подтверждение ‘Зелубый’. Нетрудно заметить, что напрашивающийся перевод ‘зелубое’ как ‘зелёное’ совершенно не оправдан. При этом не помогут никакие аналитические гипотезы и основанные на них предсказания, связанные с бихевиористским критерием. Всё дело в том, что аналитические гипотезы сами являются лишь гипотезами и, в свою очередь, также требуют подтверждения. Как говорит Гудмен: «Подлинное подтверждение находят лишь те предсказания, которые подводятся под законоподобные гипотезы, однако у нас всё ещё нет критерия законоподобности. Теперь мы видим, что без такого критерия наше определение не только опускает некоторые нежелательные случаи подтверждения, но и вообще совершенно неэффективно, ибо не запрещает практически ничего. И мы опять приходим к тому неприятному выводу, что всё подтверждает всё»².

Законоподобность гипотезы можно было бы установить с точки зрения внешнего, публичного критерия. Правильность усвоения значения очень часто определяется в рамках коммуникации, где с точки зрения публичного критерия устанавливается тождественность используемых выражений. Однако и здесь не всё так просто. Сомнение в том, что такой критерий всегда возможен, проиллюстрируем, ориентируясь на пример Х. Патнема³.

¹ Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание // Гудмен Н. Способы создания миров. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – С. 72-114.

² Там же, С. 74.

³ Патнем Х. Значение ‘значения’ // Патнем Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164-234.

Предположим, что где-то в галактике есть планета, назовём её Двойником Земли, почти в точности похожая на нашу Землю вплоть до того, что её жители говорят на том же языке, что и мы. Различие между мирами состоит только в том, что вещество, которое жители Двойника Земли называют 'вода' – это не H_2O , а жидкость, идентичная с водой во всех внешних свойствах, но имеющая иной химический состав, скажем, XYZ. Предположим, что жители Двойника Земли прибыли на нашу планету. Тогда, ориентируясь на внешнее сходство двух жидкостей, первоначально, они, возможно, решили бы, что слово 'вода' у нас имеет то же самое значение, что и у них. Очевидно, однако, что выражение 'то же самое' требует здесь дополнительного теоретического анализа, поскольку отождествление двух значений не может основываться лишь на внешнем сходстве. Возможно, сомнения в идентичности значений двух терминов привели бы к необходимости выявления более точного критерия тождества. В этом случае потребовалось бы обратиться к услугам химиков, для которых термин 'вода' имеет особое значение, связанное со структурой данного вещества. В этом случае химики как раз и доставляют необходимый внешний критерий для установления различия двух значений. У Патнема этот подход результируется в гипотезе об универсальности разделения лингвистического труда: «В каждом лингвистическом сообществе имеет место разделение лингвистического труда, то есть в любом таком сообществе используется хотя бы несколько терминов, с которыми связаны 'критерии', известные только одной подгруппе носителей языка, употребление этих терминов остальными людьми предполагает их сотрудничество с носителями языка из соответствующих подгрупп»¹.

Но перенесемся назад в 1750 год, когда ни на Земле, ни на Двойнике Земли ещё не было экспертов-химиков по воде и, стало быть, ни структура H_2O , ни структура XYZ ещё не были известны. Уже в это время значения термина 'вода' в двух случаях были различны, хотя никто ещё не знал об этом. Однако психологическое состояние землянина Оскара в тот момент, когда он оперирует термином 'вода' и психологическое состояние Двойника Оскара с Двойника Земли, когда тот оперирует этим термином, должны казаться идентичными, поскольку в чувственном восприятии вещества H_2O и XYZ ни по виду, ни по функциям не различаются. Публичного критерия в данном случае нет, и ничто не поможет установить различие значений двух выражений, которые будут рассматриваться как тождественные.

Представленные выше аргументы против традиционного образа овладения языком, очевидно, перекликаются со взглядами позднего Витгенштейна, хотя и имеют собственное значение в рамках концепций, разрабатываемых их авторами. В этом отношении более интересной выглядит позиция американского философа и логика С. Крипке, который не только претендует на точную экспликацию некоторых идей позднего Витгенштейна, но и высказывает гораздо более радикальные аргументы против традиционных подходов к языку и значению. Его идеи, высказанные в одной из наиболее известных в аналитиче-

¹ Там же, С.180.

ской философии последних двух десятилетий работ¹, в значительной мере основаны на новой интерпретации тех разделов *Философских исследований*, которые следуют за § 243, и VI раздела *Заметок по основаниям математики*. Прежде всего, они связаны с формулировкой так называемого «скептического парадокса». Скептический парадокс у Крипке основан на одном наблюдении Витгенштейна, затрагивающим ещё одну важную предпосылку, неявно принимаемую в любой концепции языка. Это – предпосылка следования правилу при употреблении языковых выражений. Что касается взглядов самого Витгенштейна, то «проблема ‘следования правилу’ возникает в его рассуждениях необходимым образом. В самом деле, он рассматривает значение как употребление. Но употребление не произвольно: оно регулируется принятыми в языковом сообществе правилами. Овладевая языком, ребёнок учится следовать этим правилам. Если говорящий не следует принятым языковым правилам, его не понимают, коммуникация разрушается»².

В чём же здесь обнаруживается проблема? А проблема вот в чём. Что представляют собой эти правила? Действительно ли можно сказать, что каждое выражение презентует правило своего употребления, стабилизирующее значение и обеспечивающее будущее словоупотребление? В этом как раз и сомневается Крипке. В качестве примера он избирает язык математики. Хотя для самого скептического аргумента не важно, какую область знания мы рассматриваем, поскольку его можно проиллюстрировать на других примерах, выбор этот не случаен. Во-первых, математика даёт нам образец самого строгого знания, а потому, достигнутый здесь результат может быть автоматически распространён на другие, менее строгие образцы. Во-вторых, представляется, что именно язык математики в наибольшей степени связан со следованием правилам. Действительно, что представляет собой, например, усвоение смысла арифметических операций как не понимание правил их употребления? Изучая язык арифметических операций, мы учимся правилам их употребления.

Что в этом смысле означает, например, знак арифметической операции ‘+’? Наиболее очевидный ответ заключается в том, что этим значением является арифметическая операция сложения, плюс, определённая на натуральном ряде чисел, правила оперирования с которой заданы свойствами числового ряда. Иными словами эта операция презентует правила обращения с числами или количественными характеристиками любых материальных или идеальных предметов. Эти правила могут быть сформулированы в рамках аксиоматики Пеано и находят эмпирическое подтверждение в повседневном опыте. Например, если взять две корзины с яблоками, пересчитать яблоки в каждой корзине согласно десятичной системе счисления для натурального ряда чисел, затем высыпать содержимое обеих корзин в третью корзину и снова пересчитать, то результат как раз и будет соответствовать применению операции сложения. Если содержимое каждой из корзин равняется соответственно 68 и 57, то ре-

¹ Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2005.

² Сокулер З.А. Проблема “следования правилу” в философии Людвиг Витгенштейна и её значение для современной философии математики // Философские идеи Людвиг Витгенштейна – М.: ИФРАН, 1996. – С.37.

результатом выполнения операции сложения будет число 125.

Однако логически непротиворечиво предположить следующую ситуацию. Складывающий постоянно выдаёт ответ, согласующийся с общим представлением об операции сложения, но как только доходит до сложения 68 и 57, он выдает ответ 5. Мы, конечно, можем тут же обвинить его в нарушении правила, в его неспособности усвоения элементарной арифметической операции. Но можно предположить и другое. Что если складывающий при выполнении операции соотносил знак «+» с другой операцией – скажем, квусом? Правила оперирования квусом (квожение) могут быть сформулированы следующим образом: при оперировании с числами меньшими, чем 57 эти правила совпадают со сложением, но при числах больших, чем 57 результат равен 5. Поэтому, $68+57=5$.

Вот здесь и возникает скептический аргумент. Мы не можем считать результат $68+57=5$ однозначно неправильным, ибо из нашего предыдущего опыта употребления знака «+» – допустим, когда мы складывали 5 и 5, получая 10, – не следует с необходимостью, что мы подразумевали под «+» плюс, т. е. использовали операцию сложения. При обращении со знаком в каждой новой ситуации его употребления мы не можем опереться на свой предыдущий опыт. Предыдущий опыт употребления данного знака будет допускать различные интерпретации значения в настоящем. То есть, в конкретном употреблении знака '+', например, при выполнении операции $5+5=10$, значения плюса и квуса не различимы, он может с равным правом означать и то, и другое. Отсюда следует, что он не означает ничего.

По мнению Крипке, этот пример иллюстрирует то, что имеет в виду Витгенштейн в § 201 *Философских исследований*, в котором как раз и выражен скептический аргумент: «Наш парадокс был таким: ни один образ действия не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действия можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если всё можно привести в соответствие с данным правилом, то всё может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому, тут не было ни соответствия, ни противоречия»¹. Иными словами, любое частное употребление языкового выражения может быть подведено под неограниченное количество правил употребления. Любое частное употребление может быть противопоставлено любому правилу. Следовательно, любое частное употребление языкового выражения не может быть с полной определенностью подведено под какое-либо правило.

Отсюда следует обескураживающий вывод. Нечто может считаться значением выражения только тогда, когда оно обладает некой принуждающей силой, склоняющей нас к тому, чтобы связать его появление в поле нашего внимания именно с этим конкретным выражением языка, т. е. значение выражения должно презентировать правило, в соответствии с которым мы будем употреблять данное выражение в будущем. Но, как показывает скептический аргумент, такого значения нет. И если мы вправе утверждать, что данное конкретное употребление слова допускает в качестве значения разные понятия, то оказывается невозможным зафиксировать соответствие или несоответствие част-

¹ Витгенштейн Л. *Философские работы*, Т.1. – М.: Гнозис, 1994. С. 163.

ного употребления предыдущему языковому опыту. Употребление слова оказывается «слепым» действием, произнесением наугад. Слово не имеет никакого фиксированного значения. В рамках своей ментальной жизни я не могу обнаружить такое образование, которое мог бы связать с данным словом в качестве его значения.

Скептический аргумент высказан. Чтобы проверить его на прочность, необходимо проанализировать те теории, которые, на первый взгляд, дают его позитивное решение. Сомнение скептика в возможности стабильного значения у выражений будет оправдано в той мере, в какой на основании его позиции удастся сформулировать некоторые существенные контраргументы, разрушающие позитивные теории.

Так и поступает Крипке. Он выбирает в качестве объектов для критики диспозиционную и качественную теории значения и пытается, используя метод радикального сомнения, указать на ошибочность их выводов. И надо сказать, что это ему с блеском удаётся¹.

Выводы, к которым в результате приходит Крипке неутешительны, и он сам указывает на то, что «скептический вывод ненормален и невыносим»². Для скептического аргумента должно быть найдено его скептическое же решение. Однако прежде, чем такое решение может быть найдено, необходимо установить ‘область действия’ аргумента. Нетрудно заметить, что все рассуждения Крипке касаются ситуации, в которой рассматривается изолированный индивид, и связаны с невозможностью установления критериев, внутренних для индивидуальной языковой практики. Скептический парадокс, если и может быть преодолен, то только в рамках языковой коммуникации, в рамках широкого языкового сообщества. Как пишет А.Ф. Грязнов, «думается, Крипке прав, связав критику Витгенштейна своей ранней трактовки истины с отрицанием им возможности индивидуального следования правилу, например, правилу сложения чисел. Ведь и в самом деле трудно обнаружить такие условия истинности или особые факты, благодаря которым будет иметь место согласие или несогласие с прошлыми намерениями. И поэтому не без основания американский философ утверждает, что аргумент “индивидуального языка” направлен не столько против этого гипотетического языка, сколько против “индивидуальной модели” следования правилу. В последнем случае действия того человека, который якобы следует правилу, оцениваются вне какого-либо указания на его принадлежность сообществу»³.

Решение скептического аргумента может быть связано только с преодолением ‘лингвистической робинзонады’. Вот здесь как раз и приходит на помощь витгенштейновское понятие языковой игры, осуществляемой в рамках

¹ Систематизация и анализ критических аргументов Крипке против диспозиционной и качественной теорий значения даны в нашей статье: *Ладов В.А., Суровцев В.А.* Витгенштейн, Крипке и ‘следование правилу’ // Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2005. – С.132-151.

² Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке, С. 60.

³ Грязнов А.Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнизма. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 88.

определённой формы жизни, разделяемой индивидом с сообществом. Здесь, наверное, резче всего обнаруживается специфика предложенной Крипке интерпретации философии позднего Витгенштейна. Понятие языковой игры должно рассматриваться не как основание философии Витгенштейна, а в основном и по преимуществу как ответ на вызов скептического аргумента. Концепция значения как употребления преодолевает этот аргумент, поскольку употребление всегда осуществляется в рамках коммуникации, где критерием правильности становится согласие или несогласие языкового сообщества. «Правило “живёт” практикой его применения. Именно она является активным определяющим началом. Она определяет, какое следование правильно, а какое – нет»¹. Лингвистические же девиации, подобные квасу, корректируются сообществом в рамках совместно разделяемых способов действия. Язык функционирует как социальный организм, и только сообщество может выступать окончательным арбитром при установлении правильности способов употребления языка.

Подобные взгляды на проблему индивидуального языка получили название “точки зрения сообщества”, и вместе с Крипке их разделила целая группа известных аналитиков последних десятилетий, среди которых Р. Фогелин, К. Пикок, К. Райт, Н. Малкольм². Так, Н. Малкольм, один из непосредственных учеников Витгенштейна, выступая в защиту интерпретации Крипке, утверждает: «Витгенштейн настаивает, что ‘величайшую важность’ имеет то, что в применении слов есть согласие в том, что то или иное действие оценивается как соответствующее *этому* правилу. Он говорит, что согласие необходимо для существования *языка*»³. Надо сказать, что подобный подход обнаруживает текстуальные подтверждения в сочинениях самого Витгенштейна, который, например, в *Заметках по основаниям математики* пишет, что «событие языка имеет в основании регулярность, согласие в действии. Здесь решающую важность имеет то, что каждый из нас (или подавляющее большинство) выражает согласие по определенным вопросам. Например, я могу быть уверенным, что цвет этого объекта будет назван ‘зеленым’ большинством людей, которые его видят»⁴.

Нельзя сказать, что интерпретация понятия следования правилу у Крипке и вытекающего из него скептического парадокса получила однозначную поддержку. Наиболее радикальное несогласие с тем, как Крипке истолковал цен-

¹ Сокулер З.А. Проблема “следования правилу” в философии Людвиг Витгенштейна и её значение для современной философии математики // Философские идеи Людвиг Витгенштейна – М.: ИФРАН, 1996. С.51.

² Fogelin R.F. Wittgenstein. – London: Routledge & Kegan Paul, 1976; Wright C. Wittgenstein on the Foundation of Mathematics. – Cambridge, Harvard: Harvard University Press, 1980; Peacocke C. Reply: Rule-following: the Nature of Wittgenstein’s Arguments // Wittgenstein: To Follow a Rule. – London: Routledge & Kegan Paul, 1981; Malcolm N. Nothing is Hidden. – Oxford: Blackwell, 1986.

³ Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy, № 64, 1989. – P. 10.

⁴ Wittgenstein L. Remarks on the Foundation of Mathematics. – Oxford: Blackwell, 1978. – P. 342.

тральную часть *Философских исследований* и VI раздел *Заметок по основаниям математики*, выразили профессора Оксфордского университета Г. Бейкер и П. Хакер, которые получили широкое признание в среде философов-аналитиков благодаря написанию беспрецедентных по масштабу и тщательности комментариев к работам позднего Витгенштейна¹.

Они выступили с резкой критикой как скептической трактовки проблемы следования правилу у Витгенштейна, так и якобы скептического её решения с точки зрения сообщества. По их мнению, возможность стабилизации языкового значения не требует внешнего критерия в виде санкционированного сообществом правила употребления выражения. Действительно, 'правило живёт практикой его применения', но обязательно ли эта практика является социальной? Робинзон, потерявший всякую связь с другими людьми, не должен испытывать проблем с использованием своего индивидуального языка. Причина этого состоит в том, что следование правилу и, соответственно, фиксация значений употребляемых выражений вообще не зависит от коммуникативных стандартов сообщества. В основе стабильного следования правилу лежит не общественное *согласие*, а субъективная *регулярность*, повторяемость употребления выражений на практике и их связанность с определенными действиями, т.е. всё то, что формирует и закрепляет привычку употребления. Действие, связанное с употреблением выражений, всегда индивидуально, даже если оно включено в совместную деятельность сообщества. «Следование правилу есть деятельность, *Praxis*. Неверной интерпретацией было бы принять, что здесь '*Praxis*' обозначает социальную практику. Противопоставление здесь не между арией и хором, а между тем, чтобы смотреть в партитуру, и петь»². Сообщество задаёт внешний критерий, который не может служить ни необходимой, ни достаточной гарантией того, что агент речевой деятельности понимает значение выражений, которые использует. Формальная согласованность или несогласованность употреблений выражений вполне может не соответствовать объяснению, которое говорящий даёт выражениям, чего не случалось бы, если бы общественное согласие было необходимым посредником между правилом и употреблением выражения здесь и сейчас. Ссылка на сообщество как на необходимый элемент процесса применения правила мистифицирует последние, придавая им таинственный статус 'третьих сущностей', которые, если они существуют помимо конкретной речевой деятельности агента, не обеспечивают единственность интерпретации, что как раз и приводит к радикальному скептицизму. Невозможность индивидуального языка является следствием невер-

¹ Так, например, К. Райт – один из известных современных британских философов, – споря с П. Хакером и Г. Бейкером по некоторым важным стратегическим моментам комментариев, тем не менее, признает, что их позиция на сегодняшний день, по сути, является, "официальным витгенштейнианством", наиболее академичной и авторитетной точкой зрения на основные идеи *Философских исследований* (Wright C. Wittgenstein's Rule-following Considerations and the Central Project of Theoretical Linguistics // Reflections on Chomsky. – Oxford, 1989. – P. 245.)

² Baker G.P., Hacker P.M.S. Skepticism, Rules and Language. – Oxford: Blackwell, 1984. – P. 20.

ного понимания статуса правил и способа их реализации. Применение правила не требует посредника в виде сообщества, как раз наоборот, как только мы пытаемся такого посредника найти, возникает возможность радикального скептицизма, так как посредник требует нового обоснования, т.е. посредника, оправдывающего применение посредника и т.д. до бесконечности.

Свою интерпретацию взглядов Витгенштейна на индивидуальный язык Бейкер и Хакер обосновывают впечатляющим текстуальным анализом, демонстрируя основательное знакомство с его наследием. Надо отметить, что их анализ не ограничивается вырванными из контекста цитатами, а привлекает обширный рукописный материал, образующий фон аргумента индивидуальному языку. И хотя некоторые пассажи из *Философских исследований* и *Заметок по основаниям математики* могут быть интерпретированы в смысле Крипке, в целом Бейкер и Хакер убедительно показывают, что Витгенштейн признаёт возможность индивидуального языка: «Обсуждение языка Робинзона Крузо, ‘рассмотренного в изоляции’ встречается в MS 116 (стр. 117), где Витгенштейн исследует различие между субъективным и объективным пониманием. Крузо, конечно, мог бы играть в языковые игры сам с собой, замечает Витгенштейн. Если бы кто-нибудь скрытно наблюдал за его деятельностью по использованию знаков, и усмотрел бы в них определенные виды сложных повторяемых, то он мог бы справедливо судить, что Крузо использует свой собственный язык»¹.

Нельзя сказать, что Бейкер и Хакер оказались в ситуации одинокого противостояния столь популярной в последние десятилетия в среде витгенштейнианцев “точки зрения сообщества”. Их поддержали такие весьма авторитетные фигуры на сцене современной аналитической философии как, например, К. Макгинн². Своё веское слово в защиту индивидуального языка сказал и Х. Патнем: «Все мы слышали утверждение о том, что Витгенштейн объяснял нормативность следования правилу в терминах согласованности с общественными стандартами. Согласно этой точке зрения индивид не мог бы следовать правилу в изоляции от лингвистического сообщества. Однако если мы обратимся к *Философским Исследованиям* (например, §§ 143-242), то не обнаружим никакого намека на это утверждение. На самом деле, Витгенштейн спрашивает (§ 199) ‘Является ли то, что мы называем “следованием правилу”, тем, что мог бы совершить только один человек и совершить лишь *единожды* в своей жизни?’»³

Крипке, как уже было сказано выше, расценивает Витгенштейна как скептика: «Витгенштейн изобрёл новую форму скептицизма. Лично я склонен рассматривать её как наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия»⁴. Автор *Философских исследований*, по мнению Крипке, сформулировал аргументы, указывающие на предельную дестабилизацию значений языковых выражений, что своим следстви-

¹ Baker G.P., Hacker P.M.S. *Skepticism, Rules and Language*, P. 41.

² McGinn C. *Wittgenstein on Meaning*. – Oxford: Blackwell, 1984.

³ Putnam H. On Wittgenstein’s Philosophy of Mathematics // *Proceedings of Aristotelian Society, Supp. Vol. 70*, 1996. – P. 243.

⁴ Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке, С. 60.

ем имеет глобальный скептицизм относительно всей эпистемологической проблематики. Аргументация скептика, считает Крипке, непроверяема. Единственным выходом может стать особое скептическое решение, которое, по его мнению, и представил Витгенштейн. Это решение предлагает изменить взгляд на функционирование языка. Признается, что языковые выражения, действительно, не имеют абсолютно стабильных, объективных значений. Однако успешное осуществление коммуникативных актов, чему и должна способствовать языковая деятельность, вовсе не требует радикальной стабилизации. Для этого достаточно стабильность определенной конвенции, которая устанавливается в рамках так называемых “языковых игр”, имеющих самые разнообразные проявления.

Г. Бейкер и П. Хакер выступают с резкой критикой такой интерпретации: «Крипке настаивает, что Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма... Это наблюдение не только неверно представляет характер забот и достижений Витгенштейна, но также ложно оценивает снижающееся значение скептицизма в философии»¹. Если оставить в стороне несколько спорный тезис об уменьшающемся значении скептицизма в современной философии, то в целом аргументация оксфордских аналитиков против понимания Витгенштейна как скептика, также как и их рассуждение об индивидуальном языке, выглядит достаточно убедительными. Суть этих аргументов сводится к следующему. Скептически позиция позднего Витгенштейна может быть названа только в отношении августианианского образа языка, который представляет языковые выражения как метки, за которыми стоят некие объективные, устойчивые сущности, принимаемые за значения языковых выражений. Против этой точки зрения, по мнению Бейкера и Хакера, прежде всего и выступает поздний Витгенштейн: «Мы совершенно естественно придерживаемся пленяющего нас образа, что слова, предложения и символы конституируют особую область сущностей (параллельную области ментальных явлений), которая расположена поверх и напротив области объектов, событий, фактов, состояний дел, действий и т.д. ...Этот пленительный образ, который мы так неразумно принимаем и верность которому бездумно храним, является самой главной мишенью поздней философии Витгенштейна»². Витгенштейн признает этот распространённый взгляд на язык принципиально ошибочным. И если мы соглашаемся с этим, то не у дел должны остаться и попытки обосновать понимание и функционирование языка посредством ссылки на объективные, существующие до и помимо конкретной речевой практики значения. То обстоятельство, что значение выражения не есть факт, который может быть твердо установлен посредством тех или иных эпистемологических процедур, не должно шокировать, вызывая пугающие образы огульного скептицизма, ибо само это опасение возможно только тогда, когда мы наивно полагаем, что нахождение таких фактов вообще является целью исследования. Позицию, в соответствии с которой значение выражения не является устойчивой объективной сущностью, можно назвать скептической только в том случае, если признавать оправданным сам поиск этих сущностей. Если же, вслед за автором *Философских исследований*,

¹ Baker G.P., Hacker P.M.S. *Skepticism, Rules and Language*, P. 53.

² Ibid, P.132-133.

отказаться от общепринятых взглядов, закрепившихся в августианианском образе языка, то приписывание Витгенштейну скептицизма становится просто абсурдным.

С. Крипке трактует философскую эволюцию Витгенштейна как переход от условие-истинностной семантики *Трактата* к семантике условий утверждаемости (обоснованности или оправданности) *Философских исследований*. Характеризуя позицию Витгенштейна в *Философских исследованиях*, Крипке говорит: «Витгенштейн предлагает образ языка, основанный не на *условиях истинности*, а на *условиях утверждаемости* или *условиях обоснованности*»¹ и разъясняет свою позицию следующим образом: «Если мы предположим, что факты или условия истинности являются сущностью осмысленного утверждения, то из скептического вывода будет следовать, что утверждения о том, что некто как-то подразумевает нечто, являются бессмысленными. С другой стороны, если мы применяем к этим утверждениям тесты, предлагаемые в *Философских исследованиях*, то такой вывод не следует. Для того чтобы узаконить утверждения, что некто подразумевает нечто, нужно, чтобы имелись приблизительно определяемые обстоятельства, при которых они законным образом утверждаемы, и что игра в их утверждение при таких условиях имеет значение в нашей жизнедеятельности. Предположение о ‘фактах, соответствующих’ этим утверждениям не требуется»².

Г. Бейкер и П. Хакер считают, что Крипке в данном случае идёт на поводу введённой в начале 70-х годов XX века М. Даммитом³ оппозиции “реализм-антиреализм”, основание которой и составляет переход от семантики условий истинности к семантике условий утверждаемости. И именно М. Даммит и его ученик К. Райт⁴ многое сделали для того, чтобы эволюцию философских взглядов Витгенштейна поместить в прокрустово ложе этой оппозиции. Крипке здесь оказывается лишь адептом широко распространенного и, по мнению Бейкера и Хакера, глубоко ошибочного представления. Они пытаются вывести позднего Витгенштейна за рамки указанной оппозиции или, используя их образное выражение, выпрячь его из “телеги условий утверждаемости”⁵.

Отметим, что Бейкер и Хакер не отказываются от идеи, что образная теория предложений, представленная Витгенштейном в *Трактате*, является одной из форм условие-истинностной семантики, хотя и интерпретируют её несколько иначе, чем Крипке. Не отказываются они и от идеи, что содержание *Философских исследований* во многом предопределено критическим отноше-

¹ Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке, С. 72.

² Там же, С. 75.

³ См., например: Даммит М. Что такое теория значения? (I) // *Логика, онтология, язык*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006; Даммит М. Что такое теория значения? (II) // *Философия, логика, язык*. – М.: Прогресс, 1987; Dummett M. *Seas of Language*. – Oxford: Blackwell, 1996.

⁴ Различие между условиями истинности и условиями утверждаемости является одним из основных концептуальных моментов самой известной работы К. Райта о Витгенштейне: Wright C. *Wittgenstein on the Foundation of Mathematics*. – Cambridge, Harvard: Harvard University Press, 1980.

⁵ Baker G.P., Hacker P.M.S. *Skepticism, Rules and Language*, P. 1.

нием к этой ранней концепции и подобным ей подходам. Но означает ли это, что Витгенштейн перешёл на позиции семантики условий утверждаемости? Отрицательный ответ на этот вопрос является следствием общей позиции Бейкера и Хакера, которая выражена ими в книге *Язык, смысл и бессмыслица*¹. Основная идея этой работы заключается в том, что современные исследователи, работающие в области логической и лингвистической семантики, введены в заблуждение тем образом языка, который был навязан сторонниками подходов, развиваемых в формальной логике и структурной лингвистике. Особенность этих подходов в том, что они рассматривают язык как реализацию внеличностных правил, которые задают возможность универсальной, объективной интерпретации выражений и могут быть эксплицированы в виде формального исчисления. В этом отношении формальные исчисления служат способами интерпретаций языковых выражений, которые фиксируют характер их связи с фактами.

Для теорий значения теоретико-модельного типа, основанных на понятии условий истинности, это представляется очевидным. Правила соответствия устанавливают метод проецирования простых языковых выражений на действительность, который может быть установлен, например, с помощью *Конвенции Т.А. Тарского* для формальных языков или с помощью модификации этой конвенции, предложенной Д. Дэвидсоном для языков естественных. Затем с помощью фиксации правил вычислительных процедур устанавливается способ соответствия действительности для сложных выражений, т.е. таких выражений, которые построены из простых выражений. Такой подход не требует представления об агенте речевой деятельности и вполне соответствует духу концепции внеличностной репрезентации мира в языке, которая разрабатывается в образной теории предложений, представленной в *Трактате*.

Несоответствие такого подхода практике употребления языка, для которой описание фактов есть лишь частный случай её проявления, в свете критики, представленной в *Философских исследованиях*, достаточно ясно. Но для Бейкера и Хакера ясно и то, что семантика, основанная на понятии условий утверждаемости, точно так же не выходит за рамки рассмотрения языка с точки зрения формального исчисления, внешнего по отношению к речевой практике. Действительно, стремление учесть различные способы употребления языка, отличные от констатации фактов, приводит к необходимости при описании языковой структуры учитывать агента речевой деятельности, что придаёт теориям значения такого рода когнитивное, психологическое измерение. В этом случае правила соответствия, на которых основана репрезентация фактов в языке, заменяются правилами употребления, в которых зафиксировано многообразие речевых практик. Стабильность значений языковых выражений теперь достигается не тем, что значения являются объективными сущностями, имеющими место в действительности, но за счёт следования правилам, которые задают критерий корректности их употребления. Однако, как считают Бейкер и Хакер, такой образ языка претит духу *Философских исследований* в не меньшей мере, чем теории, основанные на принципе репрезентации.

¹ Baker G.P., Hacker P.M.S. *Language, Sense and Nonsense*. – Oxford: Blackwell, 1984.

Всё дело в том, что при таком подходе условия утверждаемости фиксируются в системе правил, которые по отношению к речевой практике являются столь же внешними, как и правила соответствия. Интуиция тех, кто стремится построить теорию значения на основании условий утверждаемости, ориентирована на то, чтобы представить их в виде формальной вычислительной процедуры, хоть и отличной по внутренним параметрам (в частности, она будет отличаться набором конститuent, которые должны учитываться при её выполнении), но по структуре вполне аналогичной теориям значения, основанным на условиях истинности. Однако суть философии позднего Витгенштейна, как её видит Бейкер и Хакер, состоит не в том, чтобы одни внешние критерии функционирования языка заменить другими. Пафос *Философских исследований* заключается в том, чтобы вообще устранить всякие внешние критерии, отличные от конкретной речевой деятельности. В этом отношении критика позднего Витгенштейна относится не только к тем теориям значения, которые основаны на условиях истинности, но в не меньшей мере и к тем, которые в той или иной мере пытаются эксплицировать условия утверждаемости в виде теории языка, внешней по отношению к практике речевой деятельности. Хотя это и проявлено в его работах в значительно меньшей степени, но вполне соответствует духу того, что он пытается сделать. Отсюда вытекает, что то, что явно относится к образной теории, в не меньшей степени касается правила как внешнего критерия правилосообразной деятельности. Как утверждает Бейкер и Хакер: «Критика образной теории значения (требования изоморфизма и идентичности логического многообразия), заключающаяся в том, что она абсурдным образом пыталась ввести технику проецирования в образ, имеет неясный отзвук в критике идеи, что правило должно, в некотором смысле, содержать свои применения, что *действительное* правило ряда четных чисел должно содержать, например ‘1000, 1002, 1004...’, как нечто, возможно, заключённое в общей формуле правила, в некоторой платонистской области или в сознании»¹.

Более того, возможность скептической интерпретации позиции позднего Витгенштейна заключается как раз в том, что правила рассматриваются как нечто внешнее, как то, что опосредует применение языка. Только в этом случае для правил употребления, как и для правил соответствия, требуется новое правило для интерпретации правила и т.д. до бесконечности, что, в конечном счёте, и приводит к парадоксу Крипке. Понимание правила как внешнего критерия правильности употребления выражения впадает в ту же ошибку что и образная теория значения. Подобно тому, как не существует никакой объективной сущности, являющейся значением выражения, которая сохраняется одной и той же во всех возможных его употреблениях, точно так же не существует независимого от конкретного употребления выражения правила его корректного применения, правила, которое может быть эксплицировано до и помимо речевой деятельности здесь и сейчас. Ошибка Крипке, как считают Бейкер и Хакер, «включает неспособность постичь *употребление правила как стандарт корректности*, технику применения правила. Мы не способны видеть, что понять формулировку правила, это значит не схватить нечто такое,

¹ Baker G.P., Hacker P.M.S. *Skepticism, Rules and Language*, P. 128.

что таинственно содержит образ своего собственного применения, но схватить технику применения»¹.

Кто прав? Споры между оппонентами не утихают. Казалось бы, скрупулезная академическая работа Г. Бейкера и П. Хакера в последние годы все же взяла верх над лаконичной и оригинальной интерпретацией С. Крипке, но вот буквально несколько месяцев назад философ из Кембриджа Мартин Каш публикует новую объемную монографию с названием, которое говорит само за себя: *Скептический путеводитель по значению и правилам. В защиту Крипкевского Витгенштейна*². Дискуссия продолжается, притягивая к себе все новые поколения аналитических философов. В этом отношении нельзя не согласиться с Ф. Петти: «Ныне нет философского сомнения, которое по масштабам преодоления традиционных предрассудков было бы сравнимо со скептическим парадоксом относительно следования правилу»³. Сомнение возникает и в том, что этот парадокс будет полностью преодолен в ближайшем или отдаленном будущем.

¹ Ibid.

² Kusch M. A Skeptical Guide to Meaning and Rules. Defending Kripke's Wittgenstein. - Acumen, Chesham, 2006.

³ Pettit P. The Reality of Rule-Following // Mind. Vol. XCIX, No. 393, 1990. P. 6.